

И, слава Богу, поскольку, благодаря этой своей некомпетентности, психологи просто не смогли внести сколько-нибудь существенный вклад в формирование «нового человека». Они были слишком академичны (может быть, слишком порядочны) для этого. Можно даже согласиться с тем, что психологи были слишком путанно академичны, порой и нарочито путанны. Ведь пока психологи не смогут договориться о том, что такое личность, она может чувствовать себя в безопасности. В таком деле можно не без удовольствия принять упрек в недостатке таланта. При желании и добром отношении к психологам такую неспособность можно интерпретировать как род их пассивного сопротивления.

* * *

Для того чтобы перестать ходить по кругу, системомыследеятельности многовато, а мыследеятельности явно маловато. К последней нужно добавить память и переживания, рождающие новые жизненные смыслы взамен утрачиваемых. В этом случае проектирование жизни становится ее *творением*. И творимая *жизнь* будет *жизнью*, а не *тенью суждений* (это мотив А. Белого). На практике Г. П. Щедровицкий это хорошо знал, что и привлекало к нему множество людей. Возможно, это объясняется тем, что Георгий Петрович Щедровицкий всю свою жизненную практику подчинял принципу: руководствоваться не какими бы то ни было реалистическими или мифическими функциями полезности, а сохранять верность самому себе. В 2003 году его школьный ученик В. А. Лефевр, ставший ныне маститым американским профессором, представил этот принцип в виде закона соответствия или закона само-рефлексии: человек генерирует такие образцы поведения, при которых устанавливается и сохраняется отношение подобия между субъектом и его моделью себя⁶⁵. Несколько мудрёно, но верно. Верность самому себе, к сожалению, не часто встречается. Г. П. Щедровицкий был одним из немногих, и мне посчастливилось быть с ним в дружбе.

⁶⁵ Лефевр В. А. Закон само-рефлексии: возможное общее объяснение трех различных психологических феноменов // Рефлексивные процессы и управление. 2003. Т. 3. № 1. С. 64–73.

Теоретический мир психологии

Казалось бы, в соответствии со здравым смыслом отношения между теорией, экспериментом, практикой должны быть взаимодополнительными. С этим трудно спорить. Вместе с тем мы часто слышим, что теории нам нужны лишь до тех пор, пока их не сменяют другие, лучшие теории; или — противоположное: если факты не соответствуют теории, тем хуже для фактов. На деле все не так просто. Теории не отмирают, а факты оказываются упрямыми. И те и другие достаточно долго живут независимо друг от друга и рано или поздно обогащают науку. В конце концов по собственной логике начинают строиться мир теории, мир эксперимента и мир практики. Поводом для моих размышлений о теоретическом мире психологии, в том числе и об отношении его к миру эксперимента, послужила книга Дэниела Н. Робинсона¹, профессора Джорджтаунского университета (США), — «Интеллектуальная история психологии», перевод которой на русский язык издан Институтом философии, теологии и религии св. Фомы (Москва). Настоящая статья — не рецензия, а именно размышления, навеянные этой интересной книгой.

* * *

Интеллектуальная история психологии есть история идей, т. е. вполне объективных интеллектуальных достижений — не менее объективных, чем научный метод или полученный с его помощью экспериментальный факт, эффект, феномен. Объективность идей и смыслов опасно недооценивать. Они подобны джину, выпущенному из бутылки. К сожалению, когда идея овладевает массами, она действительно становится материальной силой, т. е. превращается в свою противоположность, как мрачно заметил И. Губерман. Идеи, как люди, живут и имеют свою судьбу. Вот что писал о жизни идеи М. М. Бахтин, анализировавший творчество

¹ Робинсон Д. Н. Интеллектуальная история психологии. М., 2005.

Ф. М. Достоевского: «Достоевский сумел открыть, увидеть и показать истинную сферу жизни идеи. Идея живет не в изолированном индивидуальном сознании человека, — оставаясь только в нем, она вырождается и умирает. Идея начинает жить, т. е. формироваться, развиваться, находить и обновлять свое словесное выражение, порождать новые идеи, только вступая в существенные диалогические отношения с другими чужими идеями. Человеческая мысль становится подлинной мыслью, то есть идеей, только в условиях живого контакта с чужой мыслью, воплощенной в чужом голосе, то есть в чужом, выраженном в слове сознании. В точке этого контакта голосов-сознаний рождается и живет идея. Идея — как ее видел художник Достоевский — это не субъективное индивидуально-психологическое образование с “постоянным местопребыванием” в голове человека; нет, идея интериндивидуальна и интерсубъективна, сфера ее бытия не индивидуальное сознание, а диалогическое общение между сознаниями. Идея — это живое событие, разыгрывающееся в точке диалогической встречи двух или нескольких сознаний»².

Объективны не только идеи. Объективна культура и ее ценности. Европейское понятие культуры, согласно С. Л. Франку, включает в себя «объективное, самоценное развитие внешних и внутренних условий жизни, повышение производительности материальной и духовной, совершенствование политических, социальных и бытовых форм общения, прогресс нравственности, религии, науки, искусства, словом, многостороннюю работу поднятия коллективного бытия на объективно высшую ступень»³, т. е. для европейца культура — это «совокупность осуществляемых в общественно-исторической жизни объективных ценностей»⁴. Приведенная характеристика культуры в ее расширенном и кратком вариантах содержит в своей внутренней форме размышления представителей философской антропологии и философской психологии. Она вполне адекватна пониманию культуры в культурно-исторической психологии.

Л. С. Выготский исходил из объективности аффективно-смысловых образований человеческого сознания, существующих вне каждого отдельного человека в виде произведений искусства. Он подчеркивал, что такие образования существуют раньше, чем индивидуальные или субъективные аффективно-смысловые обра-

зования. Как я уже писал, концептуальные положения Л. С. Выготского дали основания его ближайшему ученику и соратнику Д. Б. Эльконину утверждать новизну и неклассичность культурно-исторической психологии.

Иронично аргументировал объективность идей Г. Г. Шпет: «Идея, смысл, сюжет — объективны. Их бытие не зависит от нашего существования. Идея может влезть в голову философствующего персонажа, ее можно вбить в его голову или невозможно, но она *есть*, и ее бытие нимало не определяется емкостью его черепа. Даже то обстоятельство, что идея не влезает в его голову, можно принять за особо убедительное свидетельство ее независимого от философствующих особ бытия. Головы, в которых отверстие для проникновения идеи забито прочною втулкой, воображают, что они “в самих себе” “образуют” *представления*, которые как будто бы и составляют *содержание* понимаемого. Если бы так и было, то это, конечно, хорошо объясняло бы возможность взаимного *непонимания* беседующих субъектов»⁵. Шпетовский тон доказательства объективности существования идей, смыслов, сюжетов, аффективно-смысловых образований, если угодно самых разных идеальных форм, говорит о том, что их объективность была для него, как и для С. Л. Франка, и позднее для М. М. Бахтина, Л. С. Выготского, само собой разумеющейся.

Не буду рассматривать основания, по которым, например, А. А. Ухтомский, М. К. Мамардашвили рассматривали субъективное не менее объективным, чем так называемое объективное. Это знал О. Мандельштам:

Что делать, самый нежный ум
Весь помещается снаружи.

Идеи в буквальном смысле слова витают в воздухе. Один из героев У. Эко заметил, что, если тебе пришла идея в голову, можешь быть уверен, что она уже приходила и кому-то другому. Важно уметь понять ее, продумать основания и следствия, в чем неопределимую пользу оказывает история идей в философской психологии и их судьба в психологии, отпочковавшейся от философии. О генеалогии идей, бытующих в современной психологии (Д. Н. Робинсон рассматривает психологию до 1950 года), редко задумываются, хотя

² Бахтин М. М. Проблемы творчества Достоевского. Киев, 1994. С. 294.

³ Франк С. Л. Этика нигилизма // Вехи. Из глубины. М., 1991. С. 177.

⁴ Там же.

⁵ Шпет Г. Г. Эстетические фрагменты // Шпет Г. Г. Искусство как вид знания. Избранные труды по философии культуры. Под ред. Т. Г. Щедриной. М., 2007. С. 244.

теоретическая реальность, реальность идей несомненно скрыта и за психологической (человеческой) эмпирией, экспериментальной, практикой, феноменологией. И в то же время теоретическая реальность явлена не только в форме знания, но и в форме знания о незнании, в качестве своего рода вызова. В психологии также есть свои инварианты (архетипы), маскируемые многообразными формами поведения, деятельности и сознания людей в меняющихся обстоятельствах их жизни. Многие из них в свое время были эксплицированы.

Книга Д. Н. Робинсона, насколько мне известно, — это первый и вполне интересный опыт систематического изложения истории идей в психологии. Она не претендует на то, чтобы быть книгой по истории психологии, и может, как предвидит автор, удивить и даже разочаровать авторов книг по истории психологии. Не стану предварять реакции на книгу Д. Н. Робинсона историков психологии, но мой опыт чтения ее говорит о том, что результатом такого чтения является не только лучшее понимание истории психологии, но и иное отношение ко все более расширяющейся предметной области психологии⁶. Если говорить о жанре книги Д. Н. Робинсона, то, при всей оригинальности, ее можно поместить между историей психологии и исторической психологией⁷.

М. Коул — автор одной из последних книг, посвященных культурно-исторической психологии⁸, назвал ее наукой будущего. Как следует из истории культуры, в том числе и из истории психологии, истории психологических идей, культурно-историческая психология в такой же мере является наукой прошлого. Это лишь на первый взгляд парадоксальное утверждение демонстрирует книга Д. Н. Робинсона, где возникновение психологических идей, их жизнь и судьба даются на фоне культуры и истории. Конечно, остается вопрос, что берет психология у культуры и истории и что она им возвращает. Казалось бы, о равноценности вкладов и заимствований говорить не приходится: взаимоотношения, скорее, асимметричны. Разумеется, непревзойденным примером влияния на культуру (если оставить в стороне знак влияния) является психоанализ. Амбивалентность отношения культуры к психоанализу прекрасно выражена в шутивном (только по форме) стихотворении И. Брод-

⁶ Зинченко В. П. Преходящие и вечные проблемы психологии. Послесловие // *Аткинсон Р. С., Смит Э. Е., Бем Д. Дж.* Введение в психологию. СПб.: М., 2003; *Зинченко В. П., Мамардашвили М. К.* Проблема объективного метода в психологии // *Вопросы философии.* № 7. 1977.

⁷ *Шкуратов В. А.* Историческая психология. Ростов, 1996.

⁸ *Коул М.* Культурно-историческая психология: наука будущего. М., 1997.

ского «Письмо в бутылке», повторяющем сюжет Е. Баратынского и О. Манделштама:

Доктор Фрейд, покидаю Вас,
сумевшего (где-то вне нас) на глаз
над речкой души перекинуть мост,
соединяющий пах и мозг.

Близко по масштабу влияние прагматизма и бихевиоризма, но только на американскую культуру. Консервативная Европа не столь чувствительна к психологическим новациям, что, может быть, не так плохо. Как справедливо пишет Д. Н. Робинсон, слишком много психологий породили эмпиризм и рационализм. Возможно поэтому прошло время, когда психология, возникшая и развивавшаяся вместе с философией на протяжении многих веков, была неотъемлемой частью культуры и истории, вольно или невольно, но весьма эффективно участвовала в решении задач управления поведением и деятельностью людей. Д. Н. Робинсон говорит о взаимности влияния, обращая внимание на примечательную регулярность, с какой философы-материалисты процветали в периоды империи, а спиритуалистические идеалистические философы всплывали на поверхность в периоды начинающегося разрушения. Интеллектуалы, хотя тому и бывали достопримечательные исключения, выступали в роли апологетов столь же успешно, как и в роли критиков, а так называемые системы мысли очень часто представляют собой не что иное, как рационалистические объяснения фактов, преобладающих в жизни. Если бы Д. Н. Робинсон был ближе знаком с происходившим в нашей стране, возможно, он отнес бы идеологов коммунистической утопии, цинично прикрываемой так называемым диалектическим и историческим материализмом, к достопримечательному исключению из замеченной им регулярности. Эту достопримечательность заметили А. Белый и Б. Пастернак, писавшие об исчезновении в СССР материи. Сегодня идеалистов не наблюдается, зато спиритуалисты и эзотерики — в избытке.

Д. Н. Робинсон не без иронии пишет о том, что психология после отпчования от философии получила привилегию называть себя молодой наукой: «Именно такой подход к основаниям науки более или менее гарантирует каждому поколению психологов привилегию переоткрытия некоторых из самых примечательных идей в истории мысли»⁹. Долги весьма неохотно признаются не

⁹ *Робинсон Д. Н.* Интеллектуальная история психологии. М., 2005. С. 457.

только перед философией или философской психологией. «Никто из современных психологов не обращается, благоговей, к анналам учений девятнадцатого столетия, пытаюсь обнаружить там проблемы и методы, подходящие для психологии. Самый беглый взгляд на курсы и тексты по психологии как студенческого, так и профессорского уровня покажет без сомнения, а возможно, и без сожаления, что сознательно признаются лишь очень немногие достижения девятнадцатого столетия»¹⁰. Д. Н. Робинсон пишет, что дело не в том, чтобы признать современного бихевиориста, изучающего роль болевого или пищевого подкрепления в обучении тем или иным формам поведения, учеником И. Бентама. Изменились методы исследования, изменилась терминология, но предмет остался. Остались и проблемы. Именно в этом смысле автор говорит, что задача всегда состояла в том, чтобы сохранить предмет, развивая далее научные методы и теории. Однако получалось это далеко не всегда. Претензии при зарождении тех или иных психологических направлений часто превосходили их объяснительный потенциал. Иногда это было связано с вполне разумным самоограничением или с осознанием ограниченности метода. Д. Н. Робинсон констатирует, что, например, бихевиоризм уступил (без сожалений) ум — философии, тело — биологии, а личность — клиницистам. О душе, в контексте разговора о бихевиоризме, даже и вспоминать как-то неуместно. Зато технические приемы модификации поведения рекомендуется применять без ограничений как по отношению к «организмам» белых крыс, осужденного преступника, аутичного ребенка, дрессированного тюленя, шизофренического пациента, так и по отношению к трудному студенту.

В книге фиксируется парадоксальная ситуация, связанная с возникновением и развитием экспериментальной психологии. С одной стороны, сужается предметное и проблемное поле исследований, из него исчезает ряд предметов, например поступок, душа, из-за невозможности применения к ним экспериментального метода исследования. Автор называет это метафизическим обязательством относительно метода, которым, возможно, неосознанно связал себя современный психолог. А с другой стороны, экспериментальный метод как основное достижение научной психологии со времен В. Вундта и Э. Титченера, до сих пор остается в центре психологии, и ищет свой предмет. Добавим: он часто находит его вне того пространства, которое ранее обозначалось как психологи-

¹⁰ Там же. С. 456.

ческое. Это особый сюжет, получивший название редукционизма в психологии. Предмет психологии, подчиняясь методу, начинают искать не там, где потеряли, а там, где ищущему кажется светлее, слишком часто — только кажется. В этом, конечно, есть и положительная сторона. Начинается эпоха конструирования предмета психологии. Строго говоря, эпоха конструирования предмета началась в античности, так что она, скорее, продолжается. Различия состоят в том, что меняется пространство, в котором ищется и конструируется предмет психологии.

И психика, и то, что начинает признаваться таковой, изучаются непсихологическими методами. Тем самым безгранично расширяется предметная область психологии, строится онтология психики. Остановимся на этом подробнее. Онтология-то строится, но она какая-то удивительная, чтобы не сказать странная. Ее источником оказывается не реальность, как она есть, а реальность, построенная в эксперименте, реальность, максимально очищенная от любых жизненных обстоятельств, которые могли бы нарушить «строгость» эксперимента, помешать получению стерилизованных, дистиллированных результатов. Это «башня молчания» в опытах И. П. Павлова (произнесшего свое знаменитое: «Все в методе»); остановленные мгновения в тахистоскопических исследованиях восприятия, внимания, кратковременной памяти; максимально полная сенсорная и перцептивная изоляция в экспериментах с животными и с людьми; запоминание бессмысленных слогов с целью измерить свойства «чистой мнемы». Своего рода апофеозом естественнонаучного подхода было определение световой чувствительности глаза С. И. Вавиловым и Ю. Б. Харитоновым, которые нашли, что глаз чувствителен к одному кванту света. Это эквивалентно тому, что он мог бы воспринимать в безвоздушном пространстве горящую свечу на расстоянии, равном 500 км, если бы она еще могла в нем гореть. Психологи в сотрудничестве с другими учеными построили как бы свой беспредметный научный мир — мир изолированных цветов, запахов, звуков, текстур, случайных последовательностей, ассоциативных рядов. Они пытались очистить пространство от времени и время от пространства. Кстати, психологи начали создавать абстрактные и беспредметные миры задолго до художников, поэтов, композиторов, не говоря уже о кино. От таких миров не так прост возврат к мирам реальным, если они еще сохранялись, и если мы знаем, что они собой представляют. Не знаю, как с абстрактными мирами в искусстве, но в науке любой эксперимент несет на себе печать абсурда. Ведь эксперимент есть создание условий или ситуаций, которые в ре-

альной жизни практически не встречаются. В нем трудно обнаружить, по крайней мере с обывательской точки зрения, жизненный смысл, бытовую рациональность. В этом плане теоретический мир психологии оказывается не только более предметным в силу предметности мысли, но и более природосообразным по сравнению с миром, построенным экспериментальной психологией. В любом случае взаимоотношения обоих миров должны быть предметом размышления.

Исходный красивый замысел по созданию экспериментальной психологии вполне ясен. Он состоял в том, чтобы разобрать душу на части, изучить элементы, из которых она состоит, а затем собрать воедино. И дело даже не в том, что душа не желает составляться, а может быть, и состоять из элементов, но в том, что «материя», подлежащая собиранию, опредмечиванию, одушевлению, все увеличивается. Такое увеличение происходит не без влияния, а то и не без прямого участия души (и сознания). Душа не столько складывается из элементов, сколько раскрывается и «изготавливает» свои «элементы», о чем будет сказано ниже. Соответственно, задача синтеза психологического знания отодвигается все дальше и дальше. Аналитические тенденции в психологии все еще преобладают. Это только гению И. В. Гёте казалось, что чередование анализа и синтеза столь же естественно, как систола и диастола. Конечно, попытки интеграции психологического знания иногда приводят к успеху, но они почти не имеют отношения к исходному замыслу — синтезу души из найденных элементов и даже из найденных целостностей.

Я не ставлю перед собой цель обесмыслить достижения экспериментальной психологии, но поставлю ряд вопросов — полезно. Может быть, у психологов была иллюзия относительно того, что разбираемый на части предмет был душой? Может быть, они изначально изучали не ее, а нечто другое, поэтому-то так беспомощны попытки ее синтеза из элементов, которые на самом деле являются элементами психики, а не души? Д. Н. Робинсон пишет, что трактат Аристотеля «О душе» посвящен в такой же мере душе, как и ее «привходящим свойствам»¹¹, т. е. состояниям души, связанным с телом. Таковыми являются ощущения, аффекты, память, образы и пр. От них отличается ум, который, хотя и обитает каким-то образом внутри души, но в отличие от души и других ее атрибутов является вечным. Значит, рассматриваемые Аристотелем свойства души можно назвать психикой, а душа и ее деятельность — нечто

¹¹ Аристотель. О душе // Аристотель. Сочинения. В 4 т. Т. 1. М., 1976. С. 371.

иное. Если это действительно так, то психология, экспериментально изучающая психику, строго следует аристотелевским традициям, но не всем, а только одной из них, а именно — естественнонаучной традиции, может быть, искусственно выделенной из учения о душе Аристотеля. Поэтому неизменно возникает вопрос относительно возможного отношения результатов экспериментальных психологических исследований к жизненным реалиям. Изредка возникает вопрос и о душе, что она есть, помимо ее психических свойств и функций.

Чаще всего ответ на последний вопрос заменяется констатацией факта. Время от времени, кто с сожалением, а кто с гордостью заявляет, что раньше психология была наукой о душе, а теперь она стала наукой об ее отсутствии. Подавляющее большинство по умолчанию разделяют последнее утверждение. По пальцам можно перечислить психологов, не отказавшихся от души как предмета изучения. При чтении книги интересно проследить развитие представлений о душе, ее функциях, атрибутах, взаимоотношениях с материей, с телом, о гармонии и дисгармонии ее сил и способностей. Не менее интересно проследить, как постепенно вытесняется и испаряется само понятие души. Вначале оно заменяется понятием «ум», затем — понятием «психика»; проблема взаимоотношений души и тела заменяется психофизиологической проблемой, решение которой берет на себя (правда, без надежды на успех) физиологическая психология, редуцирующая в конце концов не только душу, но и тело к мозгу, ищущая нейроны сознания. Г. Г. Шпет, как бы предвидя подобное, говорил, что возникнет целлюлярная психология¹².

Русскоязычному читателю в дополнение к рассказу Д. Н. Робинсона можно порекомендовать обратиться к «Лекциям по античной философии» М. К. Мамардашвили, в которых более подробно и полно прослеживается античный дискурс о душе. М. К. Мамардашвили связывает идею души с идеей формы и у Сократа, и у Платона. «Формы — как конструктивного органа жизни, без которого человеческие способности, как эстетические, так и способности восприятия и мышления, “уходят в песок”. Теряются. Разрушаются временем»¹³. Наличие души, обладающей идеальной формой, есть условие преодоления хаоса, восприятия природной необходимости, которая не дана неопределенному мышлению. «Под душой

¹² См.: Шпет Г. Г. Сознание и его собственник // Шпет Г. Г. *Philosophia Natalis*. Избранные труды по философии культуры. М., 2006. С. 287.

¹³ Мамардашвили М. К. Лекции по античной философии. М., 1999. С. 249.

мы постепенно уже начинаем понимать своего рода некоторую душу душ. Что называется у Платона душой? — Душа душ, то есть такой предмет, воздействие которого на людей рождает в них души. Конструктивный предмет, подобно музыкальному инструменту, который тоже есть Душа душ¹⁴.

М. К. Мамардашвили приводит следующее разъяснение Платона: «...гармонию, пути которой сродны круговращениям души, Музы даровали каждому рассудительному своему почитателю не для бессмысленного удовольствия — хотя в нем только и видят нынче толк, — но как средство против разлада в круговращении души, должствующее привести ее к строю и согласованности с самой с собой»¹⁵. Это же относится и к мышлению: «...усвоив природную правильность рассуждений, мы должны, подражая безупречным круговращениям бога, упорядочить непостоянные круговращения внутри нас»¹⁶. М. К. Мамардашвили подробно и убедительно показывает, что «само понятие души и рассуждение о ней или о Логосе на уровне идеальных предметов и есть условие проявления понятий природной необходимости. Есть условие способности философа или ученого видеть в природе не явления, которые хаотичны и разрознены, а действие того, что греки называли по-природе»¹⁷.

В последнюю выписку следует вчитаться особенно внимательно. Психологи, притязая понять душу, отказались от нее и как от средства познания, во всяком случае, главной предпосылки познания, видения «по-природе»: «И такой предпосылкой является существование, возникновение особых конструктивных предметов, через которые и при условии существования которых можно мыслить и говорить о существовании природной необходимости. А без них, т. е. если душа наша не организована и не воспроизведена через эти особые предметы, мы никакой природной необходимости увидеть не сможем и не узнаем. И тогда, присутствуя, как я цитировал вам старых философов, мы отсутствуем»¹⁸.

Выражаясь на привычном психологическом языке, речь идет о преодолении постулата непосредственности, о восприятии, опосредствованном душой, «шестым» органом чувств, истинных, а не случайных явлений. Для такого восприятия, как говорил Платон в вольном изложении М. К. Мамардашвили, нужно «повернуть гла-

¹⁴ Там же. С. 251.

¹⁵ Платон. Тимей. 47 d. // Платон. Сочинения. В 3 т. Т. 3. М., 1990. С. 450.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Мамардашвили М. К. Лекции по античной философии. М., 1999. С. 252.

¹⁸ Там же.

за души»¹⁹. Эта же линия рассуждения продолжается Аристотелем, который предполагал существование ума или порядка. Человек сам по себе — со своими личными способностями восприятия, рассуждения и чувства — ничего не стоит. «Он — ничто, если к нему не приставлены особые предметы, которые существовали бы, которые самодействовали и, тем самым, помогали бы ему»²⁰. И здесь античные мыслители подходят к проблеме развития, при обсуждении которой важнейшую роль играет также понятие формы, т. е. чего-то такого, что неразложимо на взаимодействующие части. Например, согласно Аристотелю, «ребенок вырастает “руководимый” формой взрослого: это она как бы вытягивает из ребенка то, чем он станет»²¹. В этой мысли об идеальной форме заключен главный смысл культурно-исторической психологии.

Предлагая замечательную метафору души, Платон говорит о соединенной силе окрыленной пары коней (аффект и разум) и вознице (воля). Это можно понять так, что душа не сводится к своим атрибутам (как это было у Демокрита). Видимо, душа — это некоторый таинственный избыток познания, чувства и воли, некий идеальный предмет, форма. Возможно, это форма форм, или, как у Аристотеля, — порядок порядка, закон законов, мысль мыслей, движение движения. М. К. Мамардашвили настойчиво подчеркивает конструктивный характер «идеальных предметов», «идеальных форм», которые он то отождествляет с душой, то считает их ее органами. В любом случае, — это конструкции, «через которые канализируется сам по себе хаотически разбросанный ход наших впечатлений, переживаний и мыслей»²². Такие конструкции и есть условие построения теоретического мира. Увиденные М. К. Мамардашвили у античных авторов функции организованной души вкупе с построенными конструкциями потом получали разные наименования: «органы, душой и сознанием назначенные» (И. Г. Фихте); «органы чувств — теоретики» (К. Маркс); «предметные рецепторы» (Ч. Шеррингтон); «функциональные органы индивида» (А. А. Ухтомский); «органы-новообразования» (Л. С. Выготский); «идеальные формы» (Э. Шпрангер); «артефакты» (М. Вартофски); «артеакты», «амплификаторы», «усилители» (М. К. Мамардашвили). К этому можно добавить популярные в когнитивной психологии когнитивные схемы и карты, начало изучения которых положили Э. Толмен в США

¹⁹ Там же. С. 149.

²⁰ Там же. С. 248–249.

²¹ Там же. С. 192.

²² Там же. С. 254.

и Ф. Н. Шемякин в СССР. Со времен Августина Блаженного подобные внешние и внутренние (собственные) средства деятельности получили обобщенное наименование посредников-медиаторов.

Ключевым и собирательным в этом перечне может быть положение о функциональных органах-новообразованиях, душой и сознанием назначенных. А раз так, то такие «третьи вещи», тела «второго рождения», как их называет М. К. Мамардашвили, одновременно и духовны и телесны. На это же можно посмотреть и глазами Ф. Ницше: созидающее тело создало себе дух, как дань своей воле. Если оставить в стороне различия между материализмом и идеализмом, которыми, почти как советские диалектические материалисты, озабочен Д. Н. Робинсон, то смысл двух позиций одинаков. В обеих речь идет о конструктивных функциях, о новообразованиях, о самосозидании, о внутреннем росте, в пределе — о том, что сам человек не факт, а акт, притом одушевленный (П. А. Флоренский), точнее, он артефакт или артеакт, т. е. существо искусственное, в широком смысле слова — существо экспериментальное. Природа не делает людей, люди делают себя сами (М. К. Мамардашвили). И успех в этом самопроизводстве, или самопроизведении не гарантирован, что в аргументации не нуждается. Но прав был и Б. Спиноза, говоривший: то, на что способно человеческое тело, никто не определил.

Не определены и возможности человеческого духа. И экспериментальная психология, приоткрывающая человеку его возможности, какими бы они ни были — физическими, психическими, духовными, делает полезное дело. Она, часто сама того не сознавая, делает дело, адекватное конструктивной природе человека. Она создает ситуации, которых в жизни практически не бывает, но ведь и человек, как категорично говорил М. К. Мамардашвили, все делает, как в первый раз. Дважды войти в одну и ту же реку он действительно не может, не может дважды совершить одно и то же движение, одинаково произнести одно и то же слово. Он их не повторяет, а строит. Пределы строительства (телесного и духовного) прощупывает экспериментальная психология, добиваясь порой удивительных результатов. Подобное и, конечно, не единственное «оправдание» экспериментальной психологии не только не отменяет проблемы души, которой продолжает заниматься философская психология, напротив — на этом пути открываются возможности соединения гуманитарного и естественнонаучного подходов в психологии.

В идее опосредствования—посредничества—медиации смыкаются культура, теоретический и экспериментальный миры психоло-

гии и подавляющее большинство психологических практик (независимо от того, осознают ли это сами практикующие психологи). Хотя эта идея артикулировалась в античности, затем терялась, возрождалась и вновь терялась, а после Л. С. Выготского стала едва ли не общепризнанной, сам акт опосредствования представляет собой тайну и вызов психологии, что, впрочем, неудивительно, ибо акты медиации суть акты творения субъективного мира человека. Этот вызов отваживаются принять очень немногие. Наиболее перспективны подходы Б. Д. Эльконина²³ и Дж. Верча²⁴.

Возвращаясь к проблематике души, отметим еще одно немаловажное обстоятельство, которое, если и не ускользнуло вовсе из поля зрения Д. Н. Робинсона, не было выделено специально. Его книга имеет четкую структуру. Первая часть — философская психология, а две другие имеют одинаковое название — от философии к психологии. У читателя может возникнуть впечатление, что философская психология, трансформировавшись в просто психологию, исчезла. На самом деле подобное впечатление будет ложным. Философская психология продолжала и продолжает существовать и развиваться. Ее существенной частью является, в отличие от классической психологии, продолжение дискурса о душе и духе, взаимоотношениях души и тела, об одушевлении тела и овнешнении души²⁵. Реконструируются традиции православной патристики (Григорий Палама), где развивались представления об энергийной проекции человека²⁶.

Дальнейшая эволюция философской психологии, рассказ о которой Д. Н. Робинсон прервал практически на полуслове, и ее современное состояние, не только до середины XX века, но и нынешнее, — заслуживают специальной книги. В нашей отечественной традиции представляют огромный интерес психологические воззрения С. Л. Франка, А. А. Ухтомского, П. А. Флоренского, Г. Г. Шпета, А. Ф. Лосева, М. М. Бахтина, Э. В. Ильенкова, Э. Г. Юдина, М. К. Мамардашвили. Не менее интересны психологические взгляды Ф. Ницше, Х. Ортеги-и-Гассета, Ж.-П. Сартра, М. Мерло-Понти, М. Фуко, Ж. Батая, М. Бланшо и др.

Здесь можно лишь с сожалением констатировать, что подавляющее большинство психологов мира не считают философскую психологию психологией. И снова мешает этому негласное ото-

²³ Эльконин Б. Д. Введение в психологию развития. М., 1994.

²⁴ Wertsch J. V. Mind as action. N.Y.; Oxford, 1998.

²⁵ Подорога В. А. Феноменология тела. М., 1995.

²⁶ Хоружий С. С. Аналитический словарь исихастской антропологии // Синергия. Проблемы аскетики и мистики Православия. М., 1995.

ждествление психологии с экспериментальным методом, его фе-тишизация. История и теория психологии — эти словосочетания кажутся естественными, по крайней мере — привычными, а философская психология — это уже чересчур и воспринимается чем-то вроде возврата к античности и патристике. В то же время только через философию психология может осознать себя, внести посильный вклад в культуру, в образование. Последнее нуждается и в философской дидактике.

Для отечественного читателя книга Д. Н. Робинсона имеет особое значение. Дело в том, что в советское время психология, наряду с другими гуманитарными науками, была настолько идеологизирована, что так называемая методология советской психологии пронизывала теорию (теории) психологии, а то и вытесняла ее вовсе. Даже наиболее авторитетные теории, например, культурно-историческая психология Л. С. Выготского, психологическая теория деятельности С. Л. Рубинштейна и А. Н. Леонтьева были совсем не свободны от идеологических и методологических штампов. Родимые пятна советских идеологов сохраняются на нашей научной и учебной литературе по психологии, в том числе и по истории психологии, до сих пор. Методологические принципы детерминизма, отражения, системности, рефлексорной природы психики, деятельности и в дополнение к последнему — единства сознания и деятельности, вторичности, а по сути, второсортности сознания — все это своего рода прокрустово ложе, в котором должна была укладываться теоретическая работа. Эти же принципы служили критериальной базой для оценки истории психологии и новых достижений в области теории психологии. Приходится только удивляться, что, несмотря на суровые ограничения свободы мысли, советское время ознаменовалось возникновением и развитием целого ряда продуктивных научных направлений и серьезными достижениями во многих областях психологии, в их числе — и в теории психологии. Возможно, секрет состоит в том, что такие психологи, как Л. С. Выготский, С. Л. Рубинштейн, А. Н. Леонтьев, П. Я. Гальперин, А. В. Запорожец, В. В. Давыдов, добровольно-принудительно взявшие на себя обязательства создавать и развивать марксистскую психологию, действительно погружались в философию (не только марксистскую) и интересно размышляли о предмете психологии, о единицах анализа психики, о сознании, деятельности, личности, о проблемах развития психики и сознания, предлагали свои варианты смыслового строения сознания, структуры предметной деятельности, развития произвольных движений, соотношения внешнего и внутреннего, фор-

мирования умственных действий и понятий, соотношения мысли и слова, эмпирического и теоретического мышления в обучении и развитии индивида и т. п.

Избыточная аргументация объективности существования идеальных смыслов, мира идей или теоретического мира мне понадобилась для того, чтобы напомнить психологам, что он существует и в психологии, притом существует независимо от того, знают они о нем или нет, отрефлексирован он ими или нет. Подобное напоминание тем более уместно, что в психологии после длительного господства идеологии уже несколько десятилетий длится не только «методологическая передышка», почти замерла работа в области теории психологии. Дело даже не столько в малой частоте публикаций на эти темы, сколько в редкости диалогических встреч со знанием, вне которых живая идея не может родиться, развиваться, стать событием. Систематическую работу не могут заменить замечательные в своем роде реминисценции, связанные с юбилейными датами выдающихся отечественных психологов — создателей оригинальных направлений и научных школ: Г. И. Челпанова, Г. Г. Шпета, А. А. Ухтомского, С. Л. Рубинштейна, Н. А. Бернштейна, Л. С. Выготского, В. Н. Мясищева, Б. М. Теплова, А. Р. Лурии, Б. В. Зейгарник, П. Я. Гальперина, А. Н. Леонтьева, А. А. Смирнова, П. И. Зинченко, А. В. Запорожца, М. И. Лисиной, Д. Б. Эльконица, В. В. Давыдова и др.

Конечно, приятно, что в развитии научного и культурного наследия многих из советских ученых участвуют наши зарубежные коллеги, но теоретический вакуум, образовавшийся в отечественной психологии, налицо. Слишком медленно растет интерес к современной философской психологии. К сожалению, психологи чаще обращаются к восточной мудрости, чем к европейскому разуму, забывая о том, что психология как наука — все же порождение последнего. Дефицит теоретической работы особенно удручает еще в связи с тем, что число психологов увеличилось по сравнению с советскими временами в десятки раз, а процент профессионалов в лучшем случае остался прежним. Соответственно, и подготовка психологов достигла гомерических размеров. В ней история и теория занимают, мягко говоря, не самое почетное место. Сегодня система образования психологов (если употребимо слово «система» к этому предмету) ориентирована, за редчайшим исключением, на их будущую практическую работу при минимуме не только теоретических, но и фундаментальных знаний. В принципе такое возможно при подготовке специалистов для практической работы с людьми. Но тогда такое образование должно называться не словом «психо-

логия», а иначе. Например, в США это называется бихевиориальной наукой, социальной работой (последняя появилась и у нас), где преобладает обучение практическим умениям и навыкам, а не обучение психологическим теориям, концептам, экспериментам, не погружение в экзистенциальную проблематику души и духа. Более того, при решении многих утилитарно-практических задач противопоказано погружаться в проблематику сознания, личности, свободной воли, свободного выбора и свободного действия. Например, «специалисту» по НЛП вовсе не нужно знать нейронауку, лингвистику и программирование.

Если же речь идет о подготовке психолога в подлинном смысле этого слова, то он должен знать и ориентироваться в вечных проблемах психологии, которым посвящена книга Д. Н. Робинсона. Она полезна как начинающему, так и зрелому психологу, особенно преподавателю психологии. Она поможет развеять уже укоренившуюся иллюзию, что психология — это очень просто, что психолог — это человек, который дает советы. В этом уверены тысячи молодых людей, связывающих свое будущее с психологией, поступающая на соответствующие факультеты и отделения. Еще более печально, что в этом уверены и сотни новобранцев-преподавателей психологии. Г. Г. Шпет назвал бы их практиками-практикантами, насаждающими фельдшеризм в психологии, с элементами драматизации, группового тренинга, тестирования, харизмейкерства и т. п. Впору открывать программу по развитию теоретического мышления у психологов по примеру известной программы Д. Б. Эльконина и В. В. Давыдова, посвященной развитию теоретического мышления у младших школьников, которую они создавали с начала 60-х годов XX века. К счастью, научная школа Эльконина-Давыдова — одна из немногих — еще существует и плодотворно работает.

Неспешное чтение книги Д. Н. Робинсона, несомненно, будет способствовать пробуждению интереса к теоретическому миру психологии и восстановлению вкуса к теоретическому мышлению. Выражаясь словами Т. Элиота, в погружении в мысли про мысли о мыслях есть своя прелесть. Конечно, дело не только в прелесть, даже не в эстетике мышления. М. К. Мамардашвили говорил, что «состояние, в котором я мыслю, особое; без этого состояния мы видели бы вещи, видели бы богов, следовали бы ритуалам. То есть — это отдельное бытие мышления»²⁷. В это состояние человек может себя привести или впасть путем деавтоматизации, де-

спонтанизации, десимволизации привычных способов видения и действия в мире, отстранения от того, что видится по законам знаково-символических связей на его «культурном» сознании. Дж. Гибсон описывал это как переход от восприятия видимого мира к восприятию видимого поля; это процедура, которую философы называют распрямлением мира, а поэты — возвратом к непосредственности восприятия мира. При этом мысль, автономизируясь от предметного мира, приобретает новые степени свободы по сравнению с предметным действием. После свободного полета она возвращается или восходит к своему конкретному. Но за свободу мысли приходится расплачиваться: от абстрактного нередко «восходят» не к тому конкретному. А без свободы мысли было бы еще хуже и скучнее.

Д. Н. Робинсону при изложении истории идей удалось удержаться на довольно шаткой грани. Он не приписывает предшественникам, будь они философы или философские психологи, современного понимания психологических задач. Особенно в последней части своей книги он пытается оживлять и одухотворять современность, обращаясь к древним и более поздним авторам. Едва ли можно возражать против того, что созданная экспериментальной психологией онтология психики нуждается в оживлении и одухотворении. Об этом говорит прорывающаяся время от времени у больших психологов тоска по целостным представлениям о реальности психического. Нельзя удовлетворить эту тоску, оставаясь в пределах необозримого фактического материала. Полезно возвращение к истокам. М. К. Мамардашвили поставил к своему курсу «Лекции по античной философии» эпиграф из И. В. Гёте: «Истина давно обретена и соединила высокую общину духовных умов. Ее ищи себе усвоить, эту старую истину». В этой работе нам помогает Д. Н. Робинсон. Ему, конечно же, можно предъявить ряд претензий по поводу охвата материала, полноты представленности как идейного наследия, так и современных течений психологии. Но ничто не мешает читателю мысленно (или фактически!) дополнить текст, что и делает автор настоящей статьи, напоминая об отечественных традициях философской и теоретической мысли в психологии.

М. К. Мамардашвили, начиная читать курс лекций по античной философии, говорил слушателям: «Мертвые знания нам не важны — мы обращаемся к прошлому и понимаем его лишь в той мере, в какой можем восстановить то, что думалось когда-то в качестве нашей способности мышления, и то, что мы можем сами подумывать. Так как проблема не в том, чтобы прочитать и потом помнить

²⁷ Мамардашвили М. К. Лекции по античной философии. М., 1999. С. 273.

текст, а в том, чтобы суметь высказать мысль, содержащуюся в нем, как возможность актуального, теперешнего мышления людей XX века»²⁸. Он завершил свой курс советом читать Платона, «потому что многое из того, что вы делаете или будете делать, или подумаете, знаете вы об этом или не знаете, возвращается к этим истокам и существует в них, не в виде ответа, конечно, а в виде грамотного способа об этом думать и говорить. А ответа у Платона нет»²⁹. Ответов нет и у Д. Н. Робинсона. Но познакомиться с его способом размышления и обсуждения очень полезно для собственной идентификации как психолога.

**Вместо заключения:
Владимир Петрович Зинченко
как собеседник**

²⁸ Там же. С. 8.

²⁹ Там же. С. 309.

А. И. Назаров

Мой учитель и постоянный собеседник

Мы очно познакомились в 1961 году, когда после окончания отделения психологии философского факультета МГУ я был направлен «по распределению»¹ на работу в п/я 701 (одно из закрытых предприятий тогдашнего Министерства электроники). Двумя годами ранее на этом предприятии при отделе математики была создана первая в СССР небольшая лаборатория инженерной психологии, руководителем которой был В. П. Зинченко. С этого времени и по сей день наше сотрудничество и тесные личные контакты не прекращаются, за исключением одного короткого периода, который, по нашему а posteriori взаимному согласию, оказался досадным недоразумением, инспирированным недоброжелателями. Открытость для других и доверчивость — одна из черт характера Владимира Петровича.

Лично я воспринимаю начало нашей совместной с Владимиром Петровичем работы как подарок Судьбы, которая «отслеживала» линии нашей жизни еще до их пересечения во времени и пространстве. Я имею в виду тот факт, что с разницей в 8 лет (настолько В. П. Зинченко старше меня) мы заканчивали одну и ту же 131 среднюю школу г. Харькова, после чего учились на упомянутом выше отделении психологии.

60-е годы XX столетия имели в нашей жизни особое значение, не только в силу происходящих тогда социальных и очень противоречивых перемен, но и в связи с круто изменившимся социальным статусом отечественной психологии. Это был второй романтический период ее истории, если первым периодом считать 1920–1930-е годы, о которых в своей научной автобиографии говорил А. Р. Лу-

¹ В те времена выпускников вузов не отпускали «в свободное плавание», как сейчас, а направляли на работу по специальности. На предписанном месте нужно было отработать не менее 2-х лет, и только после этого можно было по собственному желанию переходить на другое место работы.